

УДК 2-335

**СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН ЗАТВОРНИК:
НАША РЕАЛЬНОСТЬ И НАШИ ЗАДАЧИ****Сергей Николаевич Федотов**старший преподаватель кафедры
богословия, библеистики и философии
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: mordovicus@gmail.com

Для цитирования: Федотов С.Н. Святитель Феофан Затворник: наша реальность и наши задачи // *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии*. 2019. Вып. 7. С. 47–56.

Аннотация

В статье ставится проблема дальнейшего научно-философского осмысления одного из топосов деятельности святителя Феофана Затворника Вышенского – обновление духовной жизни и совершение «умного делания». Предлагается перспектива переноса этой реновации в современную жизнь и создание ее философского концепта. Автор отмечает, что святитель Феофан переложил духовный опыт древнего монашества для решения проблем своей эпохи фактически от состояния бесписьменного духовного нарратива русского старчества до первой версии научно-богословской систематики в сотериологии, поэтапно выстраивая процесс православной традиции.

Ключевые слова: сотериология; духовная жизнь; духовная брань; устроение духовного ума; позитивизм и материализм; сохранение православной традиции.

Знание основ духовной жизни, духовной брани, духовного возрастания, пребывание во Святом Духе – это самое важное в жизни человека. К нему должны вести и все виды человеческого познания – вера, философия, искусство, наука. Но в реальности это далеко не так. Понятие о духовности, о духовном возрастании у людей непросвещенных, как правило, превратное, так как о духовной жизни мало кто слышал, а о духовной брани, к сожалению, и представления не имеют. А современная наука и философия ориентированы не на дела спасения душ человеческих,

а на проекты покорения мира. Однако в сфере познания всё же есть место науке и философии, которые ведут и учат духовной жизни. Это – сфера нравственного богословия со своим разделом аскетики и умного делания в богословской дисциплине «Сотериология». В ранжире богословских дисциплин она занимает предпоследнее место между «триадологией» и «эсхатологией», но именно в ней и аккумулируется вся богословско-философская мудрость, она фокусируется на понимании и усвоении святоотеческого опыта – на искусстве-науке богообщения, на покаянии и спасении-обождении (Мф. 5, 48)¹. Внешний мир, как никогда, ведет затяжную и беспощадную войну, пытаюсь, если не уничтожить, то перестроить, замутить, отвлечь сознание личности на другие темы. А жить духовной жизнью нельзя без научения, которое возможно только через передачу опыта подвижников, подвиг которых в лице «умного ведения» должен быть переведен в систему четкого и ясного знания и логики. Тут нужно выделить философское основание, которое сокрыто в богословской системе: это и исходная парадигма, и принципы, и нормы понимания фактов, и категориальный аппарат описания и объяснения. Для их постижения нужен учитель, который владеет системой трезвого мышления и опытом такой жизни. Однако этот опыт и знание могут быть и легко утрачены, а их реновация потребует весьма больших усилий.

Святитель Феофан Затворник принадлежит к эпохе духовного возрождения в России XIX века и к той линии экспертов по духовному ведению, которые понимали острую необходимость этого знания не только в среде монахов, но и среди всех верных, маловерных и даже неверных. Находясь в реалиях сословного общества, в котором дворяне, крестьяне, мещане, купцы жили в соответствии со своими жесткими уставами и регламентом, святитель первую очередь радел о монашествующих – тех, кто напрямую воспринимал духовный опыт для своей жизни.

Духовное возрождение стало активно прорастать в русском монашестве с конца XVIII века. В русском дворянстве интерес к духовной жизни возник после победы над Наполеоном, в 1815 году – *defacto* после первой серьезной попытки экспорта революции и

¹ Цитата из Мф. 5, 48 «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» является началом для духовной жизни любого верного.

духа богоборчества, что породило в России своих декабристов, вольтерьянцев, мистиков-мартинистов, русских католиков-конвертов. И в противовес этому возник интерес к духовно-православным основам жизни, который охватил активную часть российского дворянского общества. И данная тенденция не была ни случайной, ни привнесенной, ни модой дня – она была промыслительной и явилась результатом всесторонней оценки той духовной угрозы, вызванной нашествием Наполеона. Разумеется, возрождение коснулось не только монастырей и пустыней, где вновь возобновилось «умное делание», но и в деятельности светских образованных людей науки, истории, литературы, философии, которые смогли осмыслить угрозу рационализма со стороны революционной Франции (Запада) и мистико-романтического движения германской философии. Стало ясно, куда ведут две линии развития прогресса – французского и германского. Научно-технические чудеса тут покупаются тотальной утратой духовных целей жизни – всё божественное переносится в субъект, и он Бог [1], Бог же уходит в природу и научные схемы физ-матики.

Спустя 150 лет мы более отчетливо, в деталях видим причины, цель возрождения и закономерные этапы, перенося их и на наше время. Однако наше время, начало XXI века, значительно сложнее: экспорт богоборческого духа уже состоялся, он совершил свою работу, оторвав от Церкви три поколения людей; Церковь была избита, верные рассеяны, суть самой духовной жизни оказалась порушена; люди утратили ориентацию в духовных ядах, обманах и механизмах растления души и ума, их сердца и умы оказались перестроены или акцентуированы на внешнее дело, а часто просто на суетное и пустое. А потому перед лицом массивных атак зла они оказались беспомощными и безоружными. Однако в памяти поколений всегда каким-то чудом хранились образы преподобного Серафима Саровского, преподобного Амвросия Оптинского, святителя Иоанна Кронштадтского, блаженной Ксении Петербургской, блаженной Матроны Московской и многих других святых XIX – XXI веков, к которым обращались те же миллионы советских людей за помощью и советом. Нарративы, таким образом, были, но не было адекватного понимания. Разгром сердца не был полным. А понимание дает только богословская система мысли.

Поэтому в масштабе большой ретроспективы возрождение православной сотериологии (и духовности) – это серия необходимых ответов Православия на реформы вестернизации. Они проводились с начала XVIII века Петром I и особенно массировано и жестко в XX веке. И их не могло не быть, ибо они вырывали Русь–Россию из изоляции, технологического застоя и угрозы оказаться колонией, ибо в XVII веке в Европе началась современная наука и военно-индустриальная конкуренция, а в XIX–XX веках она перешла в гонку и стала определяющей. Но к середине XIX века она же подготовила и почву к активному восприятию идей философии позитивизма и материализма, сопровождавших 2-ю научную революцию Максвелла 1850–1950-х годов – век электродинамики. В свою очередь это породило нового человека с духовной дезориентацией, вышедшего за ограду Церкви, вплоть до полной утраты веры. И это не было ни эпидемией сумасшествия, ни временным помешательством: вследствие серии незаметных сдвигов в интенции ума – сердца, изменилось внимание, интерес и рефлексия. В XIX веке этот процесс затронул лишь высшие классы общества, а в XX веке охватил почти все слои. Дезориентация и изменения привели к перестройке сознания и к деградации веры, отказу от нее активной части населения Российской империи, приведя, в конечном итоге, к антропологической катастрофе XX века – к уничтожению традиции, к политике классовой борьбы и активного богоборчества, длившейся до 1985 года. Борьба с Церковью была неслыханной по жестокости и длительности в истории человечества. Но внутренняя духовная причина ее одна – это утрата православным народом понимания духовной жизни и неумение отличить (на этом следует заострить внимание), духовное не от бездуховного, а от недуховного – от прелести и неумения устоять перед обольщением недуховным. Это одна из серьезнейших проблем и вызовов вере: что будет через 50, 100 лет при утрате духовной зоркости и успешной мимикрии зла, при отсутствии духовной аналитики потока подделок под Истину?

Вместе с тем восприятие катастрофы как действия Промысла Божия и наказание своего народа за богоотступничество не есть только эксклюзивная прерогатива православных мучеников и богословов. В суровую годину военной катастрофы (1942) сам вождь ВКП(б) И.В. Сталин, организатор богоборчества, будучи в юности учеником семинарии, обратился за помощью к Богу и получил

ее, в благодарность за что прекратил на какое-то время гонения на Церковь, что подчеркивает роль Промысла в истории. Вторая волна гонений и запретов, начавшаяся с приходом к власти Н.С. Хрущева, закончилась для коммунистического проекта в России провалом: в среде интеллигенции началось очередное возрождение духовной жизни, что придало новую специфику вере и духовной жизни, а вход и движение в нее сопровождался глубокой рефлексией.

Исторический опыт духовной жизни дан в «Добротолубии»¹ – собрании учительных текстов древних подвижников Египта и Сирии, который может рассматриваться как учебник для монашествующих. Вместе с тем в XIX веке возникла потребность не только произвести репринт этих книг, но и дать комментарий к ним, и более того – переложить само знание духовной жизни и брани в виде схемы для понимания этапов развития самой духовной традиции. Этим как раз и занимался святитель Феофан Затворник, стремившийся дать понимание духовной жизни и ее алгоритм пока лишь монахам, но ввести ее также и в рамки православной антропологии, модной тогда психологии и педагогики, а затем передать и всем тем, кто изучает православное богословие.

Наша эпоха, преодолевшая несколько десятилетий советской власти, на 125 лет оторвана от Феофана Затворника, стоит перед лицом новой реальности: ее определяют не моды и культы, а стандартные нормы позитивистского знания, науки и техники, уже электронной и числовой (так как третья научная революция в действии). Эти явления носят тотальный характер и нередко оказывают на людей гипнотическое воздействие. Вместе с тем стало ясно, что идти против Промысла Божия долго нельзя – ожидание рая на земле не оправдывается – вся система богоборчества, духовного растреления сотен миллионов людей, связанная атеистическим социально-экономическим развитием, не выдержала духовного минимализма, исчерпалась, остановилась и разрушилась, но не до основания.

Такова суровая ретроспектива духовной реальности с середины XIX до конца XX века. Но при чем тут Феофан Затворник и православное возрождение XIX века? Ответ вполне прост. Мы,

¹ Свт. Феофан издал первый том своего перевода Добротолубия в 1876 году. А в 1888 году опубликовал свой перевод книг Лоренцо Скуполи «Невидимая брань».

живя в XXI веке, по-прежнему нуждаемся в определении понятий духовной жизни, духовной борьбы и возрастания, в четком, поэтапном их описании с анализом всех состояний. Но мы едва ли будем изучать эти вопросы через «Добротолубие», ибо у нас совсем иной тип мышления, а скорее прибегнем к переложению и толкованию интересующих нас моментов Игнатием (Брянчаниновым), Григорием Синаитом, Софронием (Сахаровым) и др. Каждый из отцов делает свои акценты и выделяет важные моменты – молитвенные, самонаблюдательные, покаянные, которые надо собрать в систему. Принимая во внимание тот факт, что мы живем в эпоху с иными социально-этическими нормами, с иной плотностью и скоростью зла, мы должны научиться выявлять многообразные обольщения и угрозы для веры, а для этого необходимо очень четкое понимание механизмов этого обольщения, этих аффектаций, угроз и увода нашего сердца на страну далече. А это требует от верного и даже от маловерного следованию древнему типу постоянного духовного самонаблюдения и покаяния¹ [3, с. 160].

Ядро же веры остается неизменным и постоянным и в V, и в XV, и в XXV веках², и свт. Феофан, живя в эпоху начального распространения ядов секуляризации, понимал необходимость не просто веры или знания богословия и философии, а прежде всего знания аскетики – конкретных способов духовной жизни и борьбы с конкретным злом, со злом размытым, неявным, двусмысленным, с намеками на зло, с потенциальным злом, с градацией его этической оценки: аморальное, имморальное, безнравственное, неприличное, неэтичное и т. д.

Вера в своем ядре неизменна, а вот обольщения, его формы и набор идей, механизмы его воздействия на увлечения неопытной молодежи, на очарования научными гипотезами и теориями ученых (у Феофана «научников» [2]), на надежды легкой старости пожилых и пр. постоянно обновляются духом времени. Святитель, как монах и ученый-богослов, понимал необходимость иметь научную разработку по организации духовной жизни буквально по пунктам. Это потребовало переложения аскетической литературы с древних языков с учетом из стилистики на совре-

¹ «Деятельное любомудрие ума» – термин св. Исидорья Синайского.

² «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13,8).

менный русский язык с подробными, пошаговыми объяснениями духовного пути. Такая деятельность была совершенно инновационной для второй половины XIX века, хотя и для нашего времени она кажется весьма амбициозной и дерзкой – уточнить и развернуть (эксплицировать) многие положения духовной антропологии святоотеческой традиции, по сути исихастской. Это было одной из первых удачных попыток выработать противоядие и нейтрализовать духовную скверну позитивизма и материализма¹. Но труд оказался узкоспециализированным, доступным только для монахов.

Вместе с тем аскетические труды святителя Феофана вступили в духовное противостояние с теми идеологемами науки и философии, которые привели к массовой секуляризации в Европе, падению веры и разложению духовных оснований жизни, выведенных ажиотажем по поводу успехов научно-экономического развития. Поэтому, с одной стороны, речь идет о разрушении и угасании духовной жизни из-за наступления секулярной жизни – мышления, практики дела, а с другой стороны, о действии позитивистски-научных гипотез и теорий (часто только гипотез без доказательной базы, или же наоборот, с богословско-философскими аргументами из гетеродоксии, не имеющей опыта духовного жительства и православного мышления), дискредитирующих духовную практику православной жизни. Результатом такого воздействия стало активное изучение в России духовных писаний Феофана Затворника в совершенно разных направлениях мысли: от антропологии и педагогики до «умного делания». Одним из первых активных исследователей духовной жизни в формате «умного делания» стал ученик отца Софрония (Сахарова), доктор физико-математических наук С.С. Хоружий (р. 1941) [4], который сам был учеником св. Силуана Афонского.

Поэтому дальнейшее осмысление духовной практики может приобретать и множество оттенков, поскольку сами исследователи исходят из различных парадигм философской мысли, онтологических дискурсов и герменевтических практик, что неожиданно возвращает нас к уточнению философских основ православного

¹ Весьма часто позитивизм смешивается с материализмом, что приводит к путанице и заблуждениям — однако они имеют разные онтологические основания, а сам позитивизм не является атеистической системой мысли в отличие от материализма.

и неправославного мышления в богословии, использования того или иного языка, дискурса и пр. Нашей задачей на сегодня является освоение всего этого аналитического инструмента для подробного описания проблем, которые ставит святитель Феофан и разрешает своими книгами в своих тематизациях XIX века с перспективой их дальнейшей аналитики – проработки богословами XXI века, связывая их в общую систематику на примере аналитического словаря исихазма [5]. В любом случае, многие затронутые святителем Феофаном вопросы можно уточнить, конкретизировать и даже расширить и развить.

Мы любим и почитаем святителя Феофана Затворника за его заботы, труды и моления о спасении многомиллионного православного народа России, который по милости Божией и усилиями духовных отцов вновь повернулся к духовной жизни, отойдя от обольщений и заблуждений лжеучений. Молитвенно обращаемся к святителю Феофану о помощи: «Православия наставниче, благочестия учителю и чистоты, Вышенский подвижниче святителю Феофане богомудре, писаньми твоими Слово Божие изъяснил еси и всем верным путь ко спасению указал еси. Моли Христа Бога спастися душам нашим»¹.

Список литературы

1. *Лосев А.Ф.* Логика исчисления бесконечно-малых как отражение социальной действительности // Лосев А.Ф. Хаос и структура. – Москва : Мысль, 1997. – С. 732–792.
2. Симфония по творениям свт. Феофана, Затворника Вышенского. – Москва : Дар, 2006. – 636 с.
3. *Исихий, пресв. Иерусалимский, прп.* О трезвении и молитве // Добротолюбие : в 5 томах. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – Том 2. – С. 157–204.
4. *Хоружий С.С.* Исследования по исихастской традиции. В 2 томах. Том 1. К феноменологии аскезы. – Санкт-Петербург : Русская Христианская Гуманитарная Академия (РХГА), 2012. – 240 с.
5. *Хоружий С.С.* К феноменологии аскезы. – Москва: Гуманитарная литература, 1998.

¹ Тропарь Святителю Феофану Затворнику.

UDK 2-335

ST. THEOPHAN THE RECLUSE: OUR REALITY AND OUR TASKS

Sergei N. Fedotov

Lecturer at Tambov Theological Seminary

E-mail: mordovicus@gmail.com

For citation: Fedotov S.N. St. Theophan the Recluse: Our Reality and Our Tasks. *Theological Collection of Tambov Theological Seminary*. 2019. Issue 7. P. 47–56.

Abstract

The article brings forth the problem of further scientific and philosophical comprehension of one of the topoi of the activity of St. Theophan the Recluse of Vyshensky - updating spiritual life and accomplishing 'mental doing'. The prospect of transferring this renovation to modern life and the creation of its philosophical concept is proposed. The author notes that Saint Theophanes applied the spiritual experience of ancient monasticism to solve the problems of his era defacto from the state of an unwritten spiritual narrative of Russian elders to the first version of scientific and theological systematics in soteriology, building the process of Orthodox tradition on a step-by-step basis.

Keywords: spiritual life; temptation of positivism and materialism; analytics of spiritual life and warfare; the problem of tradition dispensation; the problem and tasks of spiritual mind dispensation.

References

1. Losev A. F. Logika ischisleniya beskonechno-malykh kak otrazhenie sotsial'noi deistvitel'nosti [Logic of Infinitesimal Calculus as a Reflection of Social Reality] / Losev, A. F. Khaos i struktura [Chaos and Structure]. – Moscow: Mysl', 1997. – Pp. 732–792. (in Russian)
2. Simfoniya po tvoreniyam svyatitelya Feofana, Zatvornika Vyshenskogo [Symphony on the Works by St. Theophan the Recluse of Vyshensky]. – Moscow: Dar, 2006. – 636 p. (in Russian)

3. *Hesychius of Jerusalem, Reverend. O trezvenii i molitve* [On Sobriety and Prayer] / *Dobrotolyubie* [Philokalia]. In 5 vols. – Sergiev Posad: Holy Trinity Sergiev Lavra, 1992. Vol. 2. – Pp. 157–204. (in Russian)

4. *Horuzhiy S. S. Issledovaniya po isikhastskoi traditsii* [Studies on Hesychast Tradition]. In 2 vols., vol. 1. *K fenomenologii askezy* [On Phenomenology of Asceticism]. – St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy, 2012. – 240 p. (in Russian)

5. *Horuzhiy S. S. K fenomenologii askezy* [On Phenomenology of Asceticism]. – Moscow: Humanitarian Literature, 1998. (in Russian)